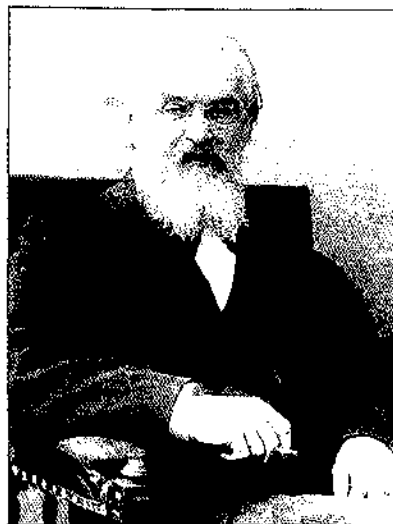

Магический электротехнический

Т. В. Герхен

Мой дед почетный инженер-электрик профессор Н. Г. Егоров.

С биографией моего деда, отца моей матери, касающейся его научной и педагогической деятельности, можно ознакомиться в энциклопедиях — дореволюционных и советских, в очерках по истории физики в России, в биографическом справочнике физиков мира, в многочисленных юбилейных сборниках, например — Военно-медицинской академии, ЛЭТИ, Всесоюзного научно-исследовательского института Метрологии и др., и, конечно, в Википедии. Он известен своими работами в области спектрального анализа, электромагнетизма, радиоактивности, метрологии. Проводил исследования солнечного спектра, спектра поглощения земной атмосферы, рентгеновских лучей и их свойств. Предложил новый способ наблюдения эффекта Зеемана. Организовал первую в России рентгеновскую лабораторию. Много сделал для внедрения метрической системы мер в России. В течение шести лет преподавал физику и заведовал кафедрой физики в Варшавском университете; 16 лет — в Военно-медицинской академии; в течение 19 лет работал в Главной палате мер и весов, сначала помощником управляющего палатой, последние 12 лет — управляющим. Он не был гениальным ученым, как Менделеев, или высокоталантливым, как Попов или Яблочков.

*Николай Григорьевич
Егоров. После 1907 г.
Из семейного архива
автора*

Его называют «выдающимся русским физиком», он был хорошо известен в ученых кругах России и Европы в конце 19 — начале 20 века. В статьях и очерках авторы сухо излагают факты биографии моего деда, я же хочу рассказать о том, чего они не знали, хочу сделать его образ живым и понятным.

Николай Григорьевич Егоров родился в Петербурге в середине позапрошлого века, в 1849 году. Он происходил из семьи рядового чиновника Городской Управы, жалования которого едва хватало на содержание жены и троих детей. Николай Григорьевич рано начал помогать семье, учась в гимназии, давал уроки отстающим ученикам. В старших классах увлекся физикой, восхищался работами Фарадея, приобрел книжечку — «Биография Фарадея», вмонтировал в обложку его фотографию и всю жизнь носил с собой. Николай Егоров прекрасно окончил 2-ю Петербургскую гимназию, мечтал о высшем образовании, но его отец, Григорий Егорович Егоров, не имел средств для оплаты его обучения в университете. Эти расходы взяла на себя Городская Управа. Дедом Николая Григорьевича был дворянин, вице-адмирал Егор Иванович Лутохин, бабушкой — поморская крестьянка Прасковья Афанасьевна Шангина. Брак между дворянином и простолюдиной был невозможен, поэтому все пятеро их детей были незаконнорожденными и носили фамилию производную от имени отца — Егоровы. Старшим ребенком был отец Николая Григорьевича — Григорий.

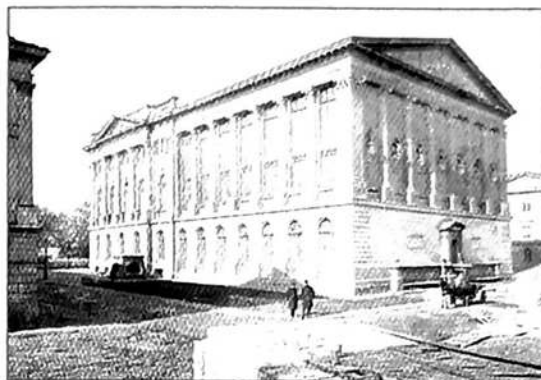
*Здание 2-ой Петербургской гимназии
(Казанская ул., 27)*

Интерьер 2-ой гимназии

После окончания в 1870 году физико-математического отделения Петербургского университета Н. Г. Егоров был оставлен профессором Ф. Ф. Петрушевским на три года при кафедре для совершенствования в экспериментальной физике. И в том же году закончилась материальная помощь Городской Управы, поэтому, параллельно с занятиями на кафедре, Николай Григорьевич берется преподавать физику и математику в 3-й гимназии и на женских врачебных курсах. В 1872 году Д. И. Менделеев и Ф. Ф. Петрушевский основали при Университете Русское физическое общество, превратившееся в 1878 году в физическое отделение Русского физико-химического общества. Н. Г. Егоров был членом физического общества с момента его образования.

С 1873 года Николай Григорьевич стал ассистентом в Технологическом институте, преподавал физику в Михайловском артиллерийском училище, в Николаевской инженерной академии. Он прекрасно понимал, что для продвижения в науке ему нужна магистерская степень. Все его однокашники, обладавшие средствами, уезжали за границу, работали в лабораториях, обсерваториях, собирали материалы, возвращались в Петербург и защищали диссертации. Егорову это было недоступно. Но ему помог случай. Граф Олсуфьев уезжал с семьей на несколько лет в Париж, и ему нужен был преподаватель физики и математики для сыновей. Егоров взялся обучать мальчиков, уехал в Париж, где в 1874–1875 годах завязал знакомства со многими французскими учеными, работал в лаборатории профессора Маскара в *College de France*, стал членом Французского физического общества и собрал материал для магистерской диссертации. Одновременно он преподавал физику и математику молодым Олсуфьевым. В апреле 1877 года Егоров защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию по теме «Электрический фотометр» и в 1877–1878 году открыл в университете приват-доцентский курс спектрального анализа. В 1878 году он был приглашен на должность ординарного профессора в Варшавский университет, где, кроме чтения лекций, заведовал кафедрой физики. За шесть лет, проведенных в Варшаве, в жизни Егорова произошли три знаменательных события. В 1881 году он был делегирован Россией в Париж на первый Международный конгресс электриков и принял в нем активное участие. Конгресс впоследствии называли историческим, так как на нем после обсуждения вопроса об эталонах электрических единиц были установлены единицы силы тока, сопротивления и напряжения: ампер, ом и вольт. Егоров за свой электрический фотометр, экспонированный на выставке, приуроченной к конгрессу, получил именную медаль, а позднее, за участие в выставке и конгрессе, был награжден французским орденом Почетного легиона. Но Егоров не стал почивать на лаврах, а использовал свое пребывание в Париже для сбора материалов для докторской диссертации, которую успешно защитил в Петербургском университете в 1882 году. Диссертация называлась «Теллурические линии солнечного спектра». Выполненные Егоровым спектроскопические исследования, по мнению директора Главной астрономической обсерватории Ф. А. Бредихина, имели большое значение для астрофизики и были высоко им оценены. Вернувшись в Варшаву, Николай Григорьевич продолжил чтение лекций. Через полтора года он женился на молоденькой девушке, сестре своего аспиранта Юрия Викторовича Вульфа — Татьяне Викторовне. Вскоре поступило предложение из Петербурга, из Военно-медицинской

Здание библиотеки Варшавского университета. Конец XIX в.

академии (ВМА) — занять должность ординарного профессора физики, при этом ему предоставлялась казенная квартира. Николай Григорьевич переехал с женой в Петербург. Через некоторое время его избрали руководителем кафедры физики ВМА. В короткий срок ему удалось создать в академии одну из лучших в России конца XIX века физическую лабораторию и замечательную механическую мастерскую. В физическом кабинете начали проводиться экспериментальные исследования на уровне мировой науки. Этому способствовала построенная по инициативе Егорова на территории ВМА, на средства военного ведомства, электрическая станция, посвященная памяти физика В. В. Петрова (1761–1834), профессора Медико-хирургической академии, первым, за 11 лет до англичанина Дэви, открывшего явление вольтовой дуги. Егоровым в лаборатории кафедры воспроизводились опыты Томсона, Крукса, Тесла, а в январе 1896 был повторен опыт Рентгена и получена первая в России рентгенограмма кисти руки человека.

*Николай Григорьевич и его жена
Татьяна Викторовна. Варшава. 1886*

*Императорская Военно-медицинская
академия. На первом плане —
памятник Я.В. де Вилье. Петербург.
До 1914. Фотограф Булла*

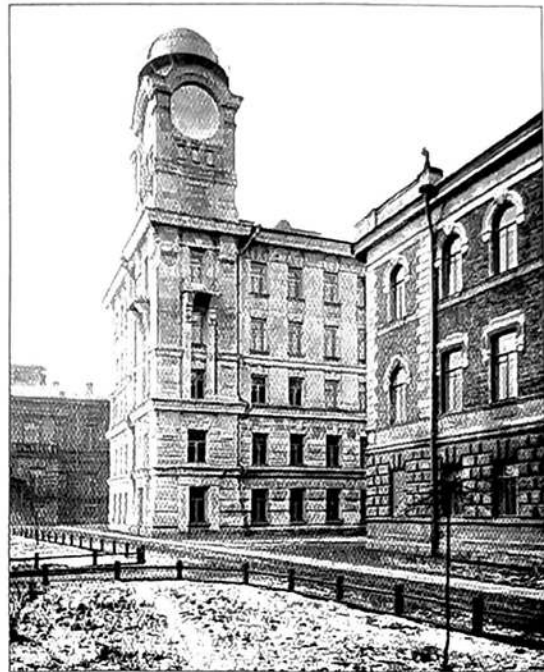
После этого Егоров организовал при военном госпитале ВМА рентгеновский кабинет, добился от Военного ведомства выделения пяти тысяч рублей на его оснащение, причем часть средств истратил на приобретение новых физических приборов для кафедры. Параллельно с преподаванием в ВМА, Егоров читал лекции по оптике и спектральному анализу в Петербургском Университете и курс по электричеству в Николаевской инженерной академии. В 1887 году вышел в свет учебник Н. Г. Егорова «Основы медицинской физики», кото-

рым пользовались студенты-медики всей России. По поручению Русского Физико-химического общества Егоров дважды — в 1887 и 1896 годах, организовывал наблюдения солнечных затмений в пределах России, обобщал

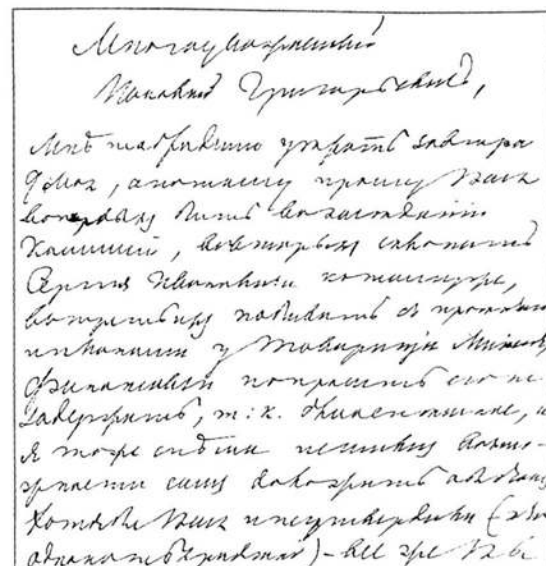
результаты наблюдений, выступал с сообщениями, публиковал доклады. В 1896–1898 годах Егоров участвовал в борьбе за признание приоритета А. С. Попова в изобретении беспроблочного телеграфа и дважды опубликовал свой отзыв на работу Попова, написанный по поручению Русского Физико-химического общества. В 1897 году открыл новый способ наблюдений эффекта Зеемана (явления расщепления спектральных линий под влиянием магнитного поля). В 1895 году Н. Г. Егорову присуждается звание академика ВМА, в 1899 – звание заслуженного профессора. В том же 1899 году научный совет ЭТИ присвоил ему звание почетного инженера-электрика.

С 1894 года у Егорова возникли новые научные заботы и обязанности. Д. И. Менделеев, управляющий Главной палатой мер и весов, высоко ценивший Николая Григорьевича как широко образованного физика, прекрасного экспериментатора и организатора, пригласил его в Палату для устройства термометрической и барометрической лабораторий. Но у Егорова были обязательства перед ВМА: незаконченные работы и дела, поэтому было решено, что Палате он будет уделять внимание параллельно с работой в ВМА.

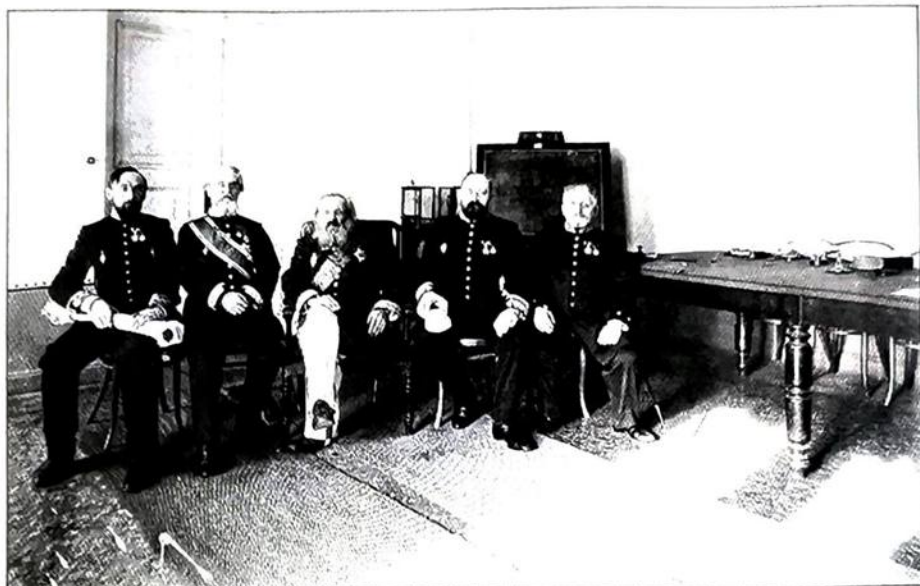
В 1896 году Д.И. Менделеев хлопотал о строительстве во дворе Палаты дома с квартирами для служащих. В письме от 8 мая 1896 года, адресованном Егорову, он поручает Николаю Григорьевичу съездить к товарищу министра финансов и попросить того не задерживать бумаги о строительстве. Менделеев пишет: «Чувствую нутром, что мне в том доме не жить и все силы применю, чтобы за мной дело перешло к Вам. Поэтому уж не откажите похлопотать».

Старое и новое (1913 г. Фото К. Буллы)
здания Палаты мер и весов

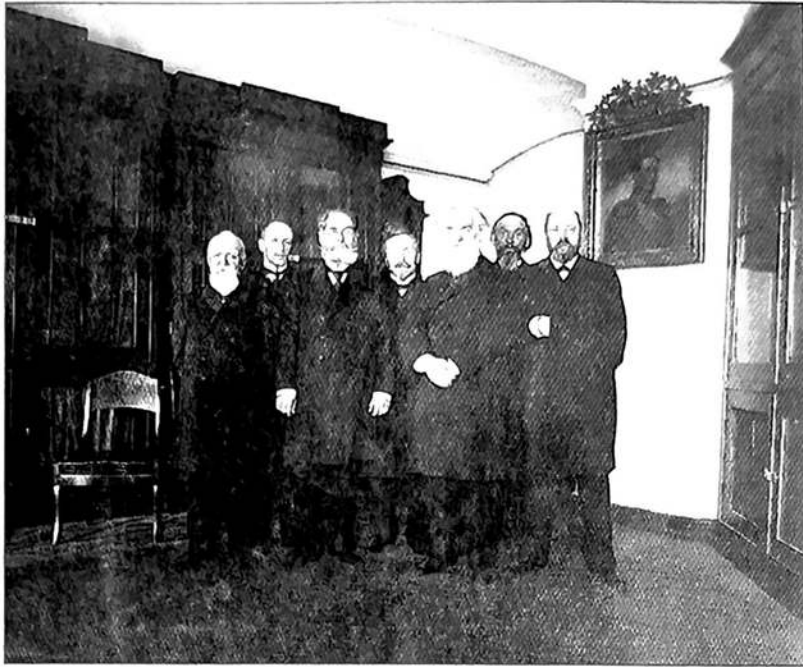
Фрагмент письма Д. И. Менделеева
Н. Г. Егорову

Сотрудники Палаты мер и весов во главе с Д. И. Менделеевым перед выездом в здание Сената для замурования там эталонов фунта и аршина. Слева направо: Ф. И. Блумбах, Н. Г. Егоров, Д. И. Менделеев, Ф. П. Завадский, А. И. Кузнецов. 1901. Из архива автора

В 1900 году Николай Григорьевич окончательно ушел из ВМА, но остался приват-доцентом с правом совещательного голоса на конференциях. Он перешел в Главную Палату на должность помощника управляющего. В 1901 году Н.Г. Егоров был избран членом Международного комитета мер и весов. В это время в Англии в фирме Троутона завершилось изготовление платино-иридиевых эталонов аршина и фунта. Менделеев решил сохранить для потомков образцы единиц измерений, бывших в обиходе в России на протяжении восьми веков. После долгих поисков помещения, в котором можно было бы спрятать эталоны, остановились на здании Сената. Комнату на первом этаже превратили в «сейф»: металлическая дверь, металлические жалюзи на окнах. 19 февраля 1901 года Д. И. Менделеев, Н.Г. Егоров вместе с тремя сотрудниками, надев парадные мундиры, торжественно повезли в карете из Палаты в Сенат ящики с эталонами. Ящики замуровали в специально подготовленную нишу в стене «комнаты-сейфа». В 1910 году процедурой поверки эталонов занимался Н.Г. Егоров. После смерти Д. И. Менделеева, в 1907 году, Егоров занял его место — стал управляющим. Этот пост он занимал до 22.07.1919 года, до самой смерти, случившейся скоропостижно.

Став управляющим, Егоров непрерывно осуществлял расширение деятельности Палаты в области специальных метрологических задач. Его целью было сделать из Палаты Национальный Физико-Технический институт, достойный занять место наряду с Международным Бюро мер и весов, членом которого он был избран в 1901 году. Он привлекал молодых сотрудников для изготовления эталонов основных электрических единиц, для

*Сотрудники Палаты мер и весов в день поверки
эталонов в здании Сената. Справа налево:
Ф. П. Завадский, Ф. И. Блумбах, Н. Г. Егоров. 1910*

организации радиотелеграфных измерений, для устройства новых лабораторий: магнитной, радиологической и оптической. Но первоочередной задачей была подготовка к переходу России на метрическую систему мер.

После октябрьского переворота эти работы были продолжены. Четырнадцатого сентября 1918 года был издан декрет об обязательном введении метрической системы. Н. Г. Егоров становится во главе Межведомственной метрической комиссии, учрежденной при Народном Комиссариате торговли и промышленности для практического проведения реформ.

Н. Г. Егоров состоял членом пяти научных обществ: Русского Физико-химического (в 1902 и 1910 годах избирался вице-президентом этого общества), Технического, Астрономического, Любителей естествознания, Французского физического. Был председателем электротехнического отдела Технического общества.

Николай Григорьевич Егоров был кавалером четырех российских орденов: Св. Владимира III степени, Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени и одного французского ордена — Почетного Легиона. С 1904 года он имел чин тайного советника.

Мои встречи с прошлым.

Я никогда не видела деда, он умер до моего рождения. До 1928 года семья Н. Г. Егорова жила в служебном жилом доме, в бывшей квартире управляющего Палатой. Первым хозяином этой квартиры был Д. И. Менделеев,

*Дети Н. Г. Егорова: Борис и Лица
(будущая мама Т. В. Герхен)*

вторым — мой дед. В конце 1928 года Егоровым дали четырехкомнатную квартиру на 8-ой линии В. О., куда перевезли все, что можно было втиснуть из обставленной десятикомнатной квартиры. Вместе с мебелью, огромной библиотекой и картинами перевезли большой исполненный маслом портрет М. Фарадея. Загадочная личность деда интересовала меня с детства. Я знала его по фотографиям в альбомах, причем две фотографии вызывали у меня крайнее недоумение. На одной он был

в парадном мундире с орденами и лентой через плечо, на другой — в мантии и ромбовидной шапочке. И в том и в другом случае костюмы его казались мне карнавальными.

Из мемуаров маминого младшего брата — Бориса Николаевича Егорова — я поняла, как искреннее восхищение умом и талантом Фарадея, его делами и идеями, которое было присуще деду с юности, привело к неожиданным последствиям. В одну из своих командировок в Англию Егоров, желая получить дополнительные сведения о жизни Фарадея, познакомился с его внучкой, мисс Кеменс. У них сразу установилось полное взаимопонимание. Мисс Кеменс, тронутая интересом и вниманием Егорова к ее бабушке, подарила Николаю Григорьевичу, когда он уезжал из Лондона, портрет Фарадея. Вскоре по приглашению Егорова она приехала в Петербург и два года прожила в семье профессора, занимаясь с его старшими сыновьями английским языком, посещая музеи, театры и концерты. Портрет висел в кабинете Егорова в Палате, а потом у нас в квартире на Васильевском острове.

Прошло 75 лет с тех пор, как по стране прокатился страшный год террора — 1937-й. Трагедия обрушилась на семьи наших родственников и друзей. Была жаркая осень, но из печных труб многих ленинградских домов шел дым. Объяснялось это тем, что жители, готовясь к обыскам, жгли «компрометирующие» их письма, документы, книги, фотографии. Занялась этим делом и мама. Мой отец был немец, и этого было достаточно для обыска и ареста. Разбирая бабушкин комод, мама что-то обнаружила, но уничтожать не стала, а куда-то отнесла. Что именно и куда, я узнала через 50 лет. Удивительно, но у нас обыска и ареста не было. Родители умерли в блокаду, квартиру полностью разграбили, библиотеку сожгли.

По счастливой случайности после войны несколько вещей, которые, собираясь эвакуироваться, мама отдала на хранение, вернулись ко мне, в том числе и портрет Фарадея. После возвращения из Ташкента в 1946 году мне очень нужны были деньги, и я продала портрет Академии наук.

В 1957 году вместе с группой сослуживцев-геологов я попала на экскурсию в музей Палаты мер и весов. Хранитель музея, сухонький древний

старичок в обрезанных валенках, давал пояснения. Неожиданно я увидела на стене маленькую фотографию деда и радостно воскликнула: «это мой дедушка!». Старичок услышал, подошел и спросил: «Так чья же Вы дочь?». Я ответила: «Лидии Николаевны». «А, Ликочки, — сказал старичок — я ее хорошо знал. Вот это все раньше была ваша квартира, а до вас — Менделеева. А Вы родились вот в той маленькой комнате рядом с кабинетом, бывшей собственной спальне Менделеева, где он и умер. В этой комнате Ликочка жила после свадьбы. Вся Палата говорила: «Ликочка стояла у окна и вдруг родила дочку — у нее были моментальные роды. А я был ученым секретарем, сначала у Менделеева, потом у Вашего деда. Не думайте, что секретарь — это просто переключать бумажки. Мы ездили с Вашим дедом за границу в различные лаборатории, и я принимал участие в переговорах. У Вашего деда были сложные отношения с Менделеевым. Оба горячие, неуступчивые. Менделеев к концу жизни ослеп, писал труды мировоззренческого характера. Его квартира находилась на III этаже, ваша — под ней на втором. Когда Ваш дед шел по неотложному делу к Менделееву, я приходил к вам, и мы с Татьяной Викторовной ждали, чем дело кончится. Вскоре мы слышали сверху шум, грохот, было впечатление, что кидаются креслами».

Этот старичок был А. В. Скворцов. К сожалению, я никогда больше с ним не встречалась, работала в экспедициях и редко бывала в Ленинграде. Он написал «Воспоминания», хранящиеся в архиве музея Палаты.

Н. Г. Егоров на даче с женой, детьми и племянницами. В первом ряду (слева направо): Лика (дочь), Вера, Николай (сын), Николай Григорьевич, Борис (сын), Варя, Татьяна Викторовна, Вера. Стоят (слева направо): няня Аня, Юрий (сын), горничные Лиза и Ульяна

Через 30 лет сложилась ситуация, при которой мне было необходимо увидеть наш портрет Фарадея. Но оказалось, что в Академии наук о нем никто ничего не знает и в 1946–1947 годах по бухгалтерии он не проходил. Исчез. Мне посоветовали обратиться в архив Академии. Там тоже ничего не знали, но принесли и положили передо мной папку с надписью: Фонд № 336 «Письма Н. Г. Егорова», переданные в Академию наук Лидией Николаевной Герхен в сентябре 1937 года.

Мама обнаружила их, готовясь в 1937 году к обыску, поняла их историческую ценность и отнесла в Академию. Она решила, что в случае ожидавшегося несчастья письма могут пропасть, а там они останутся целы.

В папке находились 78 писем, адресованных деду известными физиками, русскими и зарубежными, в период с 1872 по 1919 год. Среди них были письма Столетова, Петрушевского, Менделеева, Лебедева, Яблочкова, Хвольсона, Боргмана и многих других. Кроме того в папке лежали три письма Марии Складовской-Кюри, адресованных моей бабушке Татьяне Викторовне Егоровой. Они дружили с детства, учились в одном классе гимназии в Варшаве. Татьяна в 1884 году вышла замуж за физика Егорова, а Мария в 1895 — за физика Кюри.

Я прочитала и переписала все русские письма, с некоторых сделала ксерокопии, и личность деда стала постепенно приобретать для меня плоть и кровь. По-видимому, дед был отзывчивым, доброжелательным и контактным человеком, пользовавшимся авторитетом и уважением. Из писем можно понять, что волновало русских физиков, какие страсти кипели в их умах и сердцах в конце XIX — начале XX века, о которых они доверительно ему рассказывали. Проблемы были те же, что и в наши дни: интриги, конкуренция, порядки в университетах, тяжелые условия жизни. Не раз Николаю Григорьевичу приходилось выполнять роль третейского судьи в разрешении споров о приоритете открытий и изобретений.

В 1878 году П. Н. Яблочков писал Егорову из Парижа: «...напишите сюда о деле, что Вы знаете, и правда да воссияет, каверзники же да будут посрамлены...». Оспаривал первенство изобретения Яблочкова француз Гастон Планте.

Более драматически развивались события в том же 1878 году в споре за приоритет в научном исследовании по теме «электропроницаемость жидких диэлектриков». Московский физик П. А. Зилов (научный руководитель А. Г. Столетов) и петербургский физик И. И. Боргман (научный руководитель Ф. Ф. Петрушевский) работали над одной и той же темой одновременно и независимо друг от друга. И. И. Боргман первым защитил магистерскую диссертацию, и тогда Столетов обвинил Боргмана в краже идеи у Зилова, пообещал опозорить Боргмана на всю Россию. Боргман пишет Егорову: «Эти оскорбления я простить не могу и потребую удовлетворения от Столетова...». Видимо, он имел в виду дуэль. Но все обошлось без крови.

Егоров сумел объяснить Столетову истинное положение дел, и тогда Столетов с Петрушевским нашли компромиссное решение. Были несколько

изменены названия диссертаций, и оба аспиранта благополучно получили магистерские степени.

В 1898 году Егоров написал отзыв на работу А. С. Попова, где доказывал приоритет Попова в изобретении беспроводного телеграфа.

В папке находятся 30 писем зарубежных ученых. У Егорова были обширные связи, ему писали из Швейцарии, Англии, Франции, Италии, Норвегии, Бельгии, Шотландии, Румынии. Среди корреспондентов Егорова были норвежец Карл Бьеркнес, автор одной из ранних моделей атома; адмирал Мушез, директор Бюро долгот в Париже; Такини, директор астрономической обсерватории в Риме; Элестер Маскар, физик, член Парижской Академии наук, член-корреспондент Петербургской АН; Хьюг Каллендар, профессор Имперского колледжа в Лондоне, разработавший методы термометрических измерений; Ричард Глейзбрук, директор английской Национальной физической лаборатории. Предполагаю, что письма от иностранцев, которые я не смогла прочесть из-за незнания языков, содержат много интересного как для истории развития русской науки, так и для характеристики моего деда.

Вспомнив слова А. А. Скворцова: «У Вашего деда были сложные отношения с Менделеевым», я решила сходить в университетскую музей-квартиру Менделеева (она рядом с архивом АН) и попытаться понять, в чем были сложности.

Летом 1987 года меня радушно встретили директор музея и экскурсовод, посетителей не было, они скучали. Спросили — почему в этот теплый день я пришла в музей. Я ответила, что имею некоторое отношение к Палате мер и весов, что родилась в той комнате, в которой умер Д. И. Менделеев. Они оживились, директриса вынула большую тетрадь, в которую она записывала «менделеевцев» и попросила подробнее рассказать о связях с Палатой. Я сказала, что мой дед Егоров был вторым управляющим Палатой после Менделеева, лица их вытянулись, улыбки исчезли, тетрадь была захлопнута и спрятана в стол. По комнатам меня сопровождала экскурсовод с каменным лицом, ни слова про экспозицию я не услышала. Все это было очень странным, и я стала искать объяснений.

Для начала я ознакомилась с «палатским» периодом жизни Менделеева, описанным в многочисленных книгах, статьях, воспоминаниях. При этом обнаружила характерную особенность: все авторы, перечисляя сотрудников Палаты, окружавших Менделеева, избегают упоминать помощника управляющего Егорова, или называют помощником другое лицо. Причина такого игнорирования была мне непонятна. Судя по переписке Менделеева с Егоровым (семь писем за период с 1894 по 1902 год), отношения между ними были хорошие и доверительные.

Прочитав воспоминания жены Менделеева Анны Ивановны, его дочери Ольги и сына Ивана, опубликованные в книге «Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников» (1973 г.), я узнала, что: «он не терпел, чтобы перебивали его речь, легко раздражался и кричал...», «не выносил, чтобы ему противоречили, не любил слова „нет“, которого никто и не решался произносить ему...», «был горячим и часто несдержанным...». В книге «Менделеев в Петербурге» (А. А. Макареня, А. И. Нутрихин, 1982) описаны причины, по которым

в 1898 году не состоялось совместное плавание Д. И. Менделеева и адмирала С. О. Макарова по морям Ледовитого океана на ледоколе «Ермак». Дело в том, что между ними возникли разногласия по вопросу, кому из них быть руководителем экспедиции, оба претендовали на эту роль. Ледокол был оборудован специальной научной аппаратурой, в состав экспедиции была включена группа ученых для проведения экспериментов во время плавания. Менделеев считал, что руководителем должен быть он, Макарову отводилась роль только капитана судна. Макаров категорически не соглашался: в сложных арктических условиях он несет ответственность за безопасность судна и людей, поэтому он, как руководитель, должен определять маршрут. В присутствии С. Ю. Витте вспыхнул острый спор, по словам Макарова, «Менделеев вел себя вызывающим образом». Взбешенный неуступчивостью Макарова, Менделеев уволился из экспедиции, совместное плавание не состоялось. До конца жизни Макаров и Менделеев так и не помирились.

Из книг я узнала, что к 1903 году Менделеев почти полностью ослеп. Начальство не решалось предложить ему выйти в отставку. Деловые бумаги, отчеты ему зачитывали вслух. Он тут же диктовал секретарям распоряжения. В Главной палате вокруг Менделеева сгруппировалось ядро единомышленников: секретарь Палаты — М. Н. Младенцев, старший метролог — Ф. И. Блумбах, инспектор — В. Д. Сапожников. М. Н. Младенцев (1872–1941), уволенный в 1908 году из Палаты, написал воспоминания о «палатском» периоде жизни Д. И. Менделеева, хранящиеся в музее-архиве Менделеева при университете в виде рукописи, и эти «воспоминания» стали базовыми для многих последующих исследователей. И, наконец, мне стало известно, что в РГИА хранится в рукописи еще один вариант «воспоминаний» М. Н. Младенцева, так же широко используемый исследователями. С этим трудом Младенцева я ознакомилась летом 2012 года. Все стало понятно, вопросы исчезли.

«Воспоминания о взаимоотношениях Н. Г. Егорова и Д. И. Менделеева, управляющего Главной палатой мер и весов» Младенцева, хранящиеся в РГИА, содержат ценную информацию о Дмитрие Ивановиче и много интересных бытовых зарисовок из жизни Палаты. В то же время в них имеется искажение фактов, касающихся Николая Григорьевича, текст пестрит оскорбительными высказываниями в адрес Егорова. Все авторы статей и книг, писавшие о жизни Менделеева и знакомившиеся с «Воспоминаниями...» в РГИА, выбрали единую линию поведения — не стали выносить «палатские» дразги на суд читателей, а предпочли просто не упоминать фамилию Егоров. Видимо, читали этот труд Младенцева и сотрудники Музея-квартиры при университете. Поверив каждому его слову, они не пожелали общаться с внучкой «личного врага» Менделеева.

Взаимоотношения М. Н. Младенцева и Н. Г. Егорова.

Младенцев позволил себе клеветать на Егорова, будучи уверен в своей полной безнаказанности. Он не мог себе представить, что сохранится переписка Менделеева с Егоровым, опровергающая его вранье.

Младенцев пишет: «...будучи принужден выйти из ВМА, Егоров обратился к Менделееву ... , рассказал о своем положении, и Менделеев, человек добрый, принял участие в судьбе Егорова. Взял к себе на суммы незамещенной должности инспектора Главной палаты и даже предоставил квартиру». «Егоров просился в Палату, а Д. И. имел желание помощником своим видеть Ф. И. Капустина».

В действительности все было наоборот. 7.03.1894г. Менделеев пишет: «Многоуважаемый Николай Григорьевич, не откажите уведомить о том, когда предполагаете Вы начать Ваши занятия в Палате м. и в. Хотя ответ на мое представление о временном Вашем поступлении в Палату с 1.03 по 1.06 (как Вы того желали) еще не получен, но словесно я знаю, что полное согласие будет дано. Потому прошу Вас известить меня о Вашем поступлении в Палату, что желал бы еще при себе помочь Вам ближе устроиться на месте. ... Прошу вас не отказать мне в скором и категорическом письменном ответе, который меня глубоко интересует. Чтобы дело было совершенно ясно, считаю необходимым сказать, что в постройке в 1895 году дома для служащих сомнений не возбуждается, готов он будет к осени 1896 — не ранее. ... Пожалуйста, не замедлите ответить преданному Вам Д. Менделееву.»

В следующем письме от 8.05.1896 г. Менделеев пишет : «...прошу Вас побывать с проектами и планами у товарища министра финансов и попросить его не задержать, так как дело спешное ... Съездите лично, не откажитесь, пожалуйста, ведь дело то идет о доме, который для Вас едва ли не более значащ, чем для меня... Чувствую нутром, что мне в том доме не жить и все свои силы применю, чтобы за мной дело перешло к Вам. Поэтому уж не откажите похлопотать».

Младенцев пишет: «Военно-медицинская академия Егорова дальше не оставляла. Отношение профессорской коллегии (?) к нему также было неблагоприятное». Но этому противоречит присуждение в 1895 году Егорову звания академика ВМА, в 1899 г. звания заслуженного профессора ВМА и оставление ему после ухода звания приват-доцента.

С марта 1894 по 1902 год Д. И. Менделеев, уезжая за границу на отдых, лечение или по делам, писал письма Николаю Григорьевичу с просьбами и поручениями. В 1903 г. он ослеп, заниматься наукой стало сложно. С его распоряжениями помощник — Н. Г. Егоров, не всегда соглашался, возражал, и этим вызывал у Менделеева гнев, раздражение и крик. С 1903 г. Менделеев окружил себя близкими ему по духу сотрудниками, приступил к написанию книг философско-мировоззренческого характера, диктовал их своим секретарям. Книгу «Заветные мысли» он писал с 1903 по 1905 год, «К познанию России» — с 1906 по 1907 год. В «ближний круг» Егоров не входил, отношения его с Менделеевым становились все хуже и хуже. Когда начинался привычный менделеевский крик, оскорблявший Егорова, горячий Егоров, видимо, тоже не сдерживался.

Младенцев пишет: «Как-то в присутствии сотрудников Менделеев назвал Егорова „дúраком“. Последний обиделся и заметил, что Дмитрий Иванович его оскорбил. С Егоровым Д. И. не церемонился, просил Егорова уйти, чтобы

„больше его глупостей не слышать“». Дальше Младенцев пишет, что «Д. И. третировал Егорова на каждом шагу, искренне его презирая, и глубоко раскаивался в том, что назначил его помощником. И если он не удалил Егорова, то это можно объяснить лишь добротой Менделеева». Как пишет Младенцев, вскоре все крупные дела и серьезные бумаги секретари стали передавать прямо Менделееву, не ставя в известность Егорова. Но бывали случаи, когда Егорову необходимо было решить с управляющим возникшую проблему. Эти встречи всегда кончались скандалом, Менделеев раздражался, кричал, ему становилось плохо. Оберегая здоровье Д. И., «близкий круг» вместе с женой — Анной Ивановной — решил оградить Менделеева от всяких внешних раздражителей. От неприятных бумаг и крупных дел, могущих его расстроить и от неприятного Егорова, которого стали редко допускать в кабинет Менделеева.

С 1903 года М. Н. Младенцев стал секретарем Главной палаты, и, одновременно, доверенным лицом, необходимым человеком и правой рукой Менделеева. Постоянное общение с Менделеевым привело к тому, что Младенцев, по всей вероятности, стал глядеть на все глазами Менделеева. Сказанные Д. И. в порыве гнева, в раздражении слова — «дурак», «глупости» — воспринимал как непреложную истину.

В 1907 году, после смерти Менделеева, Егоров стал управляющим Палатой. В наследство он получил секретаря Младенцева, крайне негативно против него настроенного и твердо убежденного, что Егоров глуп и не способен справиться с делами Палаты. Не поставив Егорова в известность, что было оскорбительно для Управляющего, он стал энергично заниматься организацией увековечения памяти Менделеева. Он создал из служащих Палаты комиссию, постановившую превратить кабинет Д. И. в музей. Настаивал на выделении в Палате помещения для хранения венков с похорон Менделеева. Заказал художнику Рундальцеву гравированный портрет Менделеева и стал продавать оттиски участникам Менделеевского съезда. Стоимость оттисков была довольно высокой — 6 рублей — для некоторых участников съезда с малыми доходами — ощутимой. Однако, чтобы не оказаться белой вороной, портрет покупали все, невзирая на свои финансовые обстоятельства. Вся эта личная инициатива секретаря в обход Управляющего для людей, незнакомых с предшествующей обстановкой в Палате, выглядела непонятно. Через год стало совершенно очевидно, что у секретаря и Управляющего полностью отсутствует взаимопонимание, работать вместе они не могут. Егоров предложил Младенцеву на выбор два варианта трудоустройства: переход на должность лаборанта в одну из лабораторий Палаты или продолжительный отпуск для подыскания нового места работы. Но Младенцев соглашался уйти с поста секретаря только при условии назначения его младшим инспектором Палаты. Выполнить требования Младенцева было невозможно, так как у него, по мнению Егорова, отсутствовала соответствующая техническая подготовка и, кроме того, на эту должность уже имелся кандидат с большим стажем работы. Исчерпав все возможные средства, Н. Г. Егоров уволил Младенцева

с 1.03.1908. Обиженный Младенцев написал «Воспоминания...» для того, чтобы «бегло очертить личность Егорова, и тем самым указать тому, кто когда-либо прочтет эти строки, при каких условиях заведывание Палатой перешло к Егорову», при этом он называет Егорова «ничтожеством», «пигмеем науки», «человеком, недостойным звания профессора» и т. п.

К сожалению «Воспоминания...» Младенцева пользуются спросом у посетителей РГИА. В списке знакомившихся с этим делом 10 человек. Однако этот список не полный, отсутствуют фамилии авторов статей о жизни Менделеева, включивших в свои тексты целые абзацы из «Воспоминаний». Если мне удастся опубликовать эту статью, то ее прочтут, в лучшем случае, несколько десятков человек. Это капля в море по сравнению с гранитной глыбой лжи, лежащей в РГИА. Но тут уж я ничего поделать не могу.

Список источников

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Пб университета (1869–1894). 1896 г., стр. 245–247.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1894 г. т. XI-а, стр. 545–546
3. Л. Д. Исаков, Некролог Н. Г. Егорова, Временник Главной палаты мер и весов, 1919 г., 1/13.
4. А. А. Елисеев, «Выдающийся русский физик», ж. «Природа», 1939, № 12, стр. 103–107.
5. «Очерки по истории физики в России», 1949 г., стр. 282–284.
6. Большая Советская энциклопедия, 1952, т. 15, стр. 469.
7. «Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников», 1973 г.
8. Ю. А. Харламов «Физики» (биографический справочник), 1983 г., стр. 110.
9. «Профессора ВМА (1798–1998)» 1998 г., стр. 41–42.
10. Выдающиеся выпускники и деятели ЛЭТИ (1886–2006), 2006 г., стр. 98.
11. Б. Н. Егоров, «Автобиографические записки», «Невский архив», 2010 г. т. IX, стр. 104–138.
12. «Письма Н. Г. Егорова», Архив АН, фонд № 336.
13. М. Н. Младенцев, «Воспоминания о взаимоотношениях Н. Г. Егорова и Д. И. Менделеева», РГИА. Фонд 28. Опись 1. Дело 1092.
14. «100 лет государственной службе мер и весов», 1945 г.

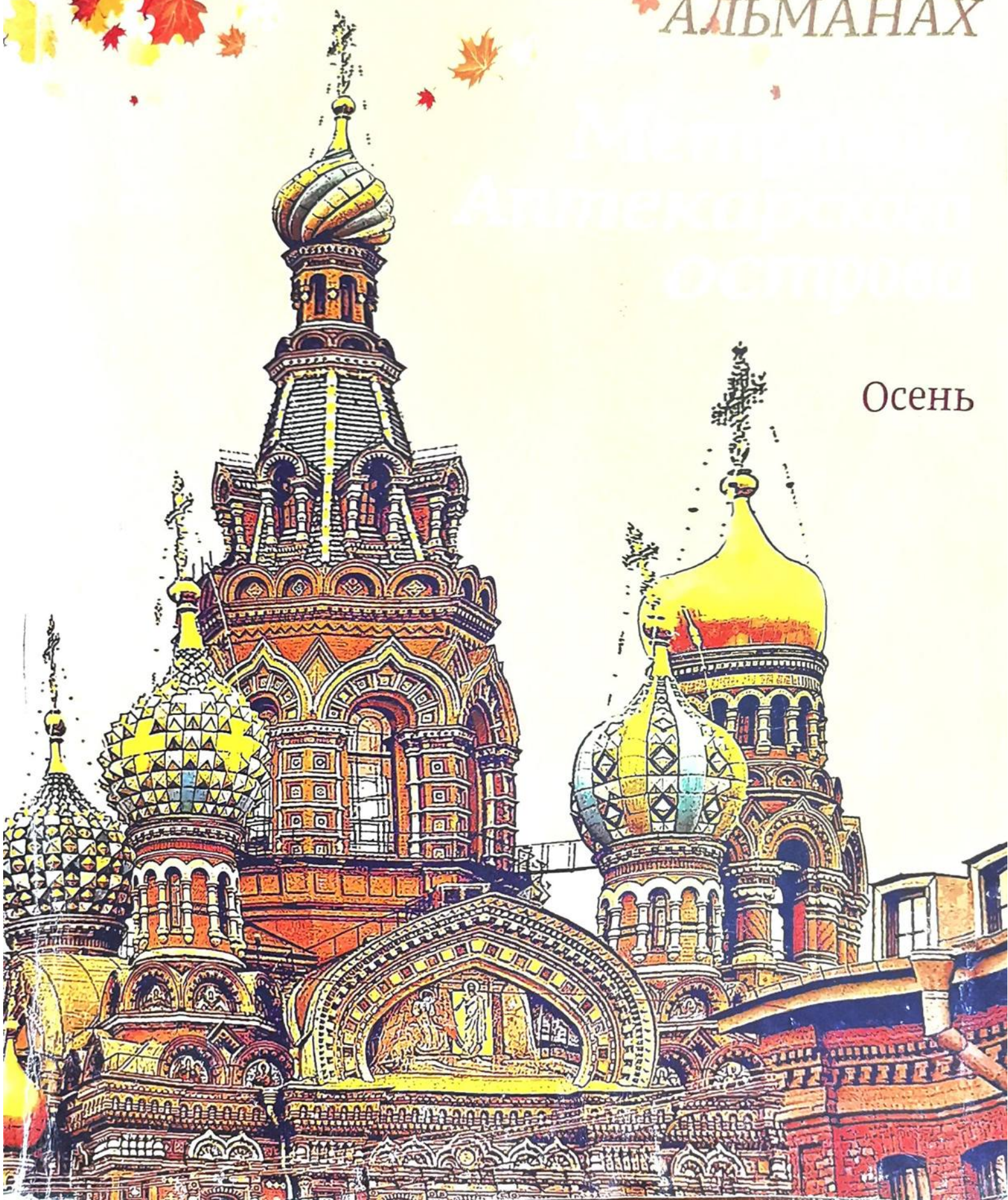
Герхен Татьяна Владимировна.
Родилась в Ленинграде. Окончила геологоразведочный факультет Горного института в Ленинграде. Увлекается историей, генеалогией, путешествиями. Одна из учредителей Российского генеалогического общества, внештатный сотрудник Музея истории Санкт-Петербурга.

ISSN 1994-8913

3 (41) / 2012

АЛЬМАНАХ

Осень

34
1522

3 (41) / 2012
АЛЬМАНАХ

Метроном Аптекарского острова

Осень

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2012